

Послѣ выборов без выборов

Чудо давно совершилось.

12-го Декабря прошлаго года неисчислимые миллионы советских избирателей единодушно и **единогласно** прокричали избирательное «Ура!» единому, единственному вождю и водителю, магу и волшебнику, величайшему фокуснику, «гениальному» Сталину.

Воистину небывалым еще в исторіи всѣх диктатур и самодержавій, «самым демократическим» выборам народнаго представительства 12-го Декабря была поставлена двойная цѣль: еще раз доказать демократическому Западу, что в С.С.С.Р. имѣется на лицо самое совершенное народовластіе и, главное, до безчувствія запугать весь міровой фашизм наличіем небывалаго, сверхъестественнаго единенія власти с народами С.С.С.Р.

Демонстрація «демократическаго единства» всей страны вокруг Сталина, естественно, продолжается и послѣ выборов, но сейчас в Кремль не может быть уже никаких сомнѣній: авторы и постановщики трагическаго фарса — «Совершенная Свобода в странѣ террора» — грубо и даже глупо переиграли.

Переиграли грубо потому, что перепли мѣру в издѣвательствах над избирательными правами обывателей. И тѣм раскрыли глаза самым наивным из честных, конечно, западных поклонников советских демократических достижений.

Переиграли глупо, потому что доказали «міровому фашизму» крайнюю степень **недовѣрія** диктатора к настроеніям подавляющаго большинства населенія.

Ибо только сталинская паника перед общественным мнѣніем народов С.С.С.Р. заставила его **взорвать** свою собственную конституцію, фактически **отмѣнить выборы** и на мѣсто выборных от населенія представителей посадить на депутатское кресло Верховнаго Совѣта своих собственных чиновников, для приличія только нѣсколько прослоенных особо проверенными, без лести преданными начальству интеллигентами и по преимуществу стахановскаго образца рабочими и крестьянами.

Произведенные 12-го Декабря прошлаго года в порядкѣ чекистскаго принужденія «единогласные выборы без выборов»

явились, с одной стороны, доказательством не превзойденного никакой еще диктатурой механического, технического совершенства сталинской машины террора. А с другой стороны, доказали всему миру, в порядке совершенно бесспорном, крайнюю неспособность советской диктатуры к каким бы то ни было действиям, требующим действительного единства народа с властью и внутренней организованности и мощи страны.

Мне кажется несомненным, что декабрьскими выборами без выборов закончился некий весьма определенный период в процессе вырождения октябрьской революции. Этот период, начавшийся приблизительно в 31-м и 32-м годах, был переходным временем от ленинской конструкции диктатуры к построению сталинскому, от диктатуры комитетско-партийного типа к самовластью неограниченно-личному.

Совершенно правильно еще накануне самих выборов московский корреспондент французского официоза «Temps», Г. Берлан, склонный проникаться кремлевскими настроениями человека, — писал, что после принятых по изничтожению всякой оппозиции мер выборы явятся широчайшим плебисцитом в пользу Сталина. «Генеральный Секретарь Партии будет выбран всей страной целиком в лице каждого из депутатов, ибо все без исключения кандидаты являются сугубо испытанными сталинцами».

Теперь уже никто не оспаривает фашистско-цфлостного (тоталитарного) характера сталинской диктатуры. А между тем, еще года полтора тому назад, когда перерождение большевистской диктатуры было уже в полном ходу, не только европейская, но и русская эмигрантская демократическая печать оспаривали мое утверждение в «Новой России», что Сталин пошел «от Ленина к Муссолини».

Я отнюдь не хочу скрывать моей тогдашней оценки этой своеобразной эволюции внутри замкнутого круга диктатуры. К этой эволюции я относился положительно. Из чего, как и следовало ожидать, некое неизбежное последствие: в глазах многих добрых демократов я стал подозрителен по фашизму. Однако, я и сейчас, после русского опыта последних двух лет, остаюсь на той же своей точке зрения: спуск на тормозах «классово-пролетарской» диктатуры в порядке превращения ее в диктатуру «национально-фашистскую» мог бы стать в борьбе страны за преодоление вообще всякой диктатуры положительным этапом.

И вот почему. Вспомним, когда началось время сталинских «либеральных реформ», заключившихся знаменитой бесѣдой кремлевскаго диктатора с американским журналистом Рой Говардом 1 Марта 1936 г., во время которой и было объявлено высочайшее пожалованіе совѣтскому населенію «самой демократической конституціи из всѣх существующих в мірѣ». Начались эти «реформы» вслѣд за разгромом принудительно коллективизированной деревни и вслѣд за полным уничтоженіем милліонов хозяйственных крестьян, вслѣд за жесточайшим голодом на Украинѣ, на Сѣверном Кавказѣ, на Волгѣ и т. д. А насколько эти опустошенія среди крестьянства были велики, свидѣтельствует хотя бы «необъяснимое» исчезновеніе десятков милліонов совѣтских жителей, что и заставило Кремль объявить небывшей, в началѣ прошлаго года произведенную все-російскую перепись населенія.

Внутренній разгром хозяйства и погром населенія вызвали, в свою очередь, очевидное паденіе обороноспособности и необходимости, в мѣру роста международнаго вліянія способѣйших ленинских выучеников, срочно искать помощи в Литѣ Націй и у западных демократій.

Вмѣстѣ с перемѣной вѣдшей политики начались и внутреннія реформы — бытовый нэп. Всѣм приказано было жить веселѣй, мужикам разрѣшили имѣть клочек земли, «индивидуальных» коров, свиней и кур (до собственной лошади не дотянули). На заводах и в колхозах стали производить орденоносцев-стахановцев, стали создавать новое сословіе трудовой знати, для безправной служилой интеллигенціи открылся, как будто, путь к власти в порядкѣ безпартійных большевиков.

Потом начался пересмотр школьных программ, откуда стали искоренять «лѣвые загибы»; возстановленіе дисциплины. Занялись укрѣпленіем семьи, пересмотрѣли программу комсомола, смягчили религіозныя преслѣдованія, «возродили» казачество, и, наконец, объявили демократическую конституціонную реформу.

Все это свидѣтельствовало, что за вѣдшими бытовыми послабленіями населенію скрывается какой-то общій план, новая генеральная линія. Казалось, что вмѣстѣ с ростом личнаго самовластія Сталина созрѣвает в Кремлѣ какаѣ-то новая государственная идеологія.

Именно для этой идеологіи понадобилось «безклассовое общество», новое общество, которое должно было лечь в основаніе «всенароднаго государства трудящихся».

Выдвигая безпартійных большевиков и «знатных людей» на одну линію с партійной аристократіей, Сталин хотѣл создать новый правящій слой, чуждый старой классовой идеологіи до-

военных большевиков, творцов Октября. Это было понятно, т. к. часто для новой знати, вышедшей в люди из самых низов, пролетарское звание не звучало прельстительным титулом. Звание «трудящийся» ничего им не напоминало о прошлом, а главное ставило знак равенства между всеми участниками «социалистического строительства».

Смягчить остроту между-классовой борьбы и расширить базу диктатуры можно было в порядке Муссолини: провозглашением солидарности и сотрудничества классов находящихся на службе «государства-нации». Такой путь, однако, Сталину был заказан: он ведь получил в наследство классовую идеологию, в самом существе своем неприемлющую классового сотрудничества. Вот почему Сталину, для того, чтобы выйти из заколоченного круга пролетарской диктатуры, непримиримой с идеей всенародного государства, пришлось прибегнуть к героическому средству: объявить все классы больше не существующими.

Идея «безклассового государства трудящихся» давала возможность Сталину и стоявшим тогда за его спиной красным маршалам порвать с идеологически и принципиально неразрывным с идеей пролетарской диктатуры поражением.

«Защита рубежей С.С.С.Р.» становится, как и встарь в России, священным долгом всех без исключения граждан. В новой конституции, наравне с уничтожением классово-иерархической системы управления (Советы), уничтожается также и классово-пролетарская армия.

«Защита отечества есть священный долг каждого гражданина С.С.С.Р.» (Ст. 133). Ибо, дает, по словам «Правды», классическое определение Сталин: — «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющаяся в общности культуры».

Таким образом, внутренний разгром государства в порядке «львацких загибов» первой пятилетки и тщетный, явно уже безнадежный расчет на скорый приход мировой пролетарской революции, заставили как будто Сталина и его ближайших советчиков порвать с «пролетарской» антинациональной, противогосударственной, ленино-троцкой октябрьской идеологией (отсюда уничтожение всех большевиков-октябристов).

На место этой опровергнутой жизнью конструкции диктатуры, нужно было создать нечто новое. Совершенно естественно, что этим новым для Кремля оказалась идея диктатуры, опи-

ражающейся не на классовую исключительность, а на всенародное или «безклассовое единство».

Мнѣ уже не раз приходилось писать и говорить о том, что диктатура, построенная на классовой основѣ (так же как и на расовой), является диктатурой, в концѣ концов разрушающей государство, ибо она противорѣчит самой его **природѣ**, содѣйствуя разложенію его «устойчивой общности» и ослабляя крѣпость его социальных связей. Именно только с точки зрѣнія **прочности** государственнаго единства и способности его к самозащитѣ диктатура, опирающаяся на идею всенароднаго государства, на идею внѣ-классоваго или, правильнѣе, надклассоваго единства націй, является для самаго бытія государства **менѣе вредной и менѣе разрушительной**.

Если правильно весьма популярное сейчас в демократической Европѣ изрѣченіе: «диктатура — всегда война», то это правильное опредѣленіе совершенно по разному проявляется в природѣ «классовой» и «національной» диктатур.

Національное государство под водительством національнаго диктатора бонапартистскаго типа несет угрозу своим сосѣдям. Государство классовой диктатуры **разжигает военные аппетиты** своих сосѣдей, ибо живет непрестанной, внутренней гражданской войной, которая ослабляет, дѣлает почти невозможной внѣшнюю оборону государства. Эту совсѣм простенькую истину отлично на трудном опытѣ возстановленія боеспособности красной арміи поняли лучшие красные генералы, и до поры до времени понимал сам Сталин. В разгар «либеральных реформ», подготовлявших «самую демократическую конституцію», «Правда» и «Извѣстія» не раз повторяли, что внѣшнее сопротивление С.С.С.Р. внѣшнему врагу будет тѣм дѣйствиельнѣе, тѣм **«выше будут боевыя качества вооруженных сил и крѣпче тыл»**.

Опыт всѣх войн показал, что в конечном счетѣ степень выскоты боевых сил **всегда** находится в прямой зависимости от степени крѣпости тыла, т. е. от степени общей хозяйственно-технической организованности страны и психологической сплоченности, единодушія населенія.

Как же сдѣлать этот «тыл крѣпче»? В нынѣшней суровой международной обстановкѣ этот вопрос во весь свой рост не мог не встать перед правителями С.С.С.Р. и стоит перед ними **до сих пор неразрѣшенным** с самаго начала «либеральных реформ» Сталина. Относясь в началѣ положительно, по объясненным здѣсь мотивам, к откровенной фашизаціи Сталиным пережив-

шей себя пролетарско-реакціонной диктатуры, я еще лѣтом 1936 г. весьма сомнѣвался: не поздно ли Сталин начинает копировать Муссолини? Можно ли на совѣтѣм другой почвѣ, в совѣтѣм других условіях повторить опыт весьма личный и потому в особенности неповторимый? Возможно ли обновить и усилить диктатуру, уже и так ненавистную населенію, под прикрытіем самых заманчивых «демократических» общаній?

Однако, полтора года тому назад Кремлевская загадка и заключалась в вопросѣ: играет ли только Сталин в конституцію и демократическіе лозунги, чтобы вывести на чистую воду всѣх своих безчисленных «внутренних врагов», или он почувствовал в себѣ силу повернуть С.С.С.Р. на новые пути и в эти пути вѣрит?

Были серьезныя основанія, все-таки, не до конца отчаиваться. Эти основанія опирались на **ощущеніе**, если даже не всегда на точное знаніе, новой Россіи, новых ея поколѣній. Вопреки представленію о «пассивности» и «запуганности» совѣтскаго населенія, распространеннаго даже в демократической эмиграціи, в Россіи **нѣт** внутренняго, духовнаго примиренія с диктатурой, и воля к свободѣ не слабѣет, а **крѣпнет**.

Из безконечнаго ряда свидѣтельств — о **главнѣйшем** скажу ниже — приведу здѣсь одно, исходящее от коммуниста, совѣтѣм недавно ушедшаго из рядов Коминтерна и жившаго в Москвѣ, — Вальтера Брингольфа (беру по Соціалистическому Вѣстнику, № 22).

Этот недавній коминтернищик, излагая всю исторію борьбы Сталина с правой и лѣвой оппозиціей, пишет: — значительный хозяйственный подъем, имѣвшій мѣсто за послѣдніе годы в Совѣтской Россіи и вовлекшій миллионы людей в механизм современной крупной индустрии и техники, выдвинул довольно значительный слой способных и развитых рабочих и крестьян, у которых появилась потребность к **свободѣ и самодѣятельности**.

Тут слѣдует оговорку. Потребность к свободѣ никогда не угасала в народном сознаніи. Она сейчас только настойчивѣе проявляется.

И дальше Вальтер Брингольф в полной мѣрѣ подтверждает все, что писалось в «Новой Россіи» о трагедіи «Красных Маршалов»: —

«С другой стороны, в том же направленіи расширенія **свободы и самодѣятельности** толкают Совѣтскую Россію потребности арміи и хозяйства. Армія нуждается в безперебойной работѣ промышленности и сельскаго хозяйства, особенно ввиду наличности военной опасности, и именно в **верхах красной арміи** зародилась идея о новой совѣтской конституціи, гарантирую-

щей населенію большую сумму свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что честное и умѣлое развитіе этой идеи могло бы обозначать новую эпоху в исторіи Совѣтской Россіи. Но это должно было бы быть связано с отмѣной диктатуры и террора. А на это ни за что не могли согласиться Сталин и созданный им аппарат. Они оказались неспособными пойти по новому пути».

Я нарочно привел длинную выписку из статьи Брингольфа, чтобы показать эмигрантскому Томѣ, ни в какое движеніе воды в Россіи не вбрующему, насколько он в своем заматерѣлом безвѣрїи далек от дѣйствительности. Прочтя строки бывшаго коммуниста, вернувшагося из Москвы, он поймет, что мы, эмигрантскіе оптимисты, имѣли кое какую под собою почву, когда во время сталинских реформ, до срыва их в безумнѣйшій террор и разстрѣлъ генералов, — ждали большого перелома в Россіи и надѣялись на мирный выход. Оказывается, «диктатура пролетаріата», диктатура, по словам Ленина, «самая свирѣпая, самая острая, самая безпощадная война», совершенно неспособна вступить в мирные переговоры; она ведет войну с народом на уничтоженіе.

Тут можно поставить вопрос. Повинен ли в происшедшем срывѣ «либеральнаго курса» сам Сталин, «как человек совершенно лишенный творческаго воображенія», который «никак не может выйти из рамок своего собственнаго прошлаго» (Брингольф)? Или это самое проклятое страшное прошлое наложило на Сталина такое клеймо отвращенія и ненависти, что задача смягчить режим и примирить власть со страной оказалась выше его сил. Может быть, Сталин отдался в руки Ежова только потому, что убѣдился, что новую политику могут вести только новые люди и что руками старой власти он не совладает с духом свободы, если только хоть на іоту ослабить сковавающія его узы.

Я не берусь отвѣчать здѣсь на эти вопросы. Да не так уж и существенно сейчас, какіе личные настроенія и интересы, вождельнія или страхи заставили Сталина взорвать свою собственную конституцію и предстать перед мировым общественным мнѣніем в качествѣ невиданнаго еще в лѣтописи международных скандалов политическаго, как бы это помягче сказать, фокусника и престижидитатора.

Впрочем, мнѣ все-таки кажется, что Сталин разыграл свой конституціонный трагическій фарс для самого себя неожиданно. Уж очень этот выборный фокус-покус был сдѣлан наспѣх, неумѣло и неловко.

Вспомним немножко ход событий. 1-го Марта 1936 года Сталин по собственному почину, когда никто его за язык не тянул, сочинил перед американским журналистом Рой Говардом цѣлую поэму демократическаго конституціоннаго блаженства, которое через нѣсколько мѣсяцев наступит в С.С.С.Р. «В вашем вопросѣ, — говорил Сталин американцу, — сквозит мысль, что социалистическое общество отрицает свободу. Это **неверно**. Это общество мы построили не для ущемленія личной свободы, а для того, чтобы человѣческая личность чувствовала себя дѣйствительно свободной. Мы построили его ради дѣйствительной личной свободы, свободы без кovskyчек».

Американец растроган. Он уже повѣрил в мирное сосуществованіе двух великих демократій — американской и... совѣтской. Только его, привыкшаго к старым демократическим порядкам, смущает однопартійная система. И он задает Сталину сейчас очень злободневно звучащій вопрос. — В какой же мѣрѣ новая избирательная система «может измѣнить положеніе в С.С.С.Р., поскольку на выборах попрежнему будет выступать только одна партія?» — Сталин и тут не растерялся: — «Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партія? Вы не видите, какая может быть в этих условіях избирательная борьба? **Очевидно**, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партія, но и всевозможныя общественныя безпартійныя организаціи. А таких у нас сотни».

И дальше уже Сталин прямо засвѣтился весь демократическим энтузіазмом.

«Почему выборы будут тайны? А потому, что мы хотим дать совѣтским людям полную свободу голосовать за тѣх, кого они хотят избрать, кому они довѣряют обезпеченіе своих интересов... Вам кажется, что не будет избирательной борьбы? **Но она будет**, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас не мало учреждений, которыя работают плохо. Построил ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищныя условія? Не бюрократа ли ты? и т. д. Таковы будут критеріи, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживленной... Всеобщіе, равныя, прямыя и тайныя выборы будут хлыстом в руках населенія против плохо работающих органов власти».*

* I. Сталин: Бесѣда с г-ном Рой Говардом, Партиздат Ц.К. В.К.П. Март, 1937.

Хлесткая демократическая бесѣда с иностранным журналистом еще ни к чему кремлевских владык не обязывает. Но вѣдь эта бесѣда, особо изданная, усиленно распространялась в десятках тысяч экземпляров вплоть до самых выборов по всему С.С.С.Р. Но вѣдь десятки тысяч особых инструкторов из юных «энтузиастов конституціи» были пущены по всем колхозам и фабрикам, по всем учебным заведениям и канцеляріям, по всем частным квартирам и деревенским избам. Все они усиленно истолковывали населенію новыя права, доказывали преимущества сталинских избирательных порядков и над бывшими российскими и над... американскими. Давая издѣвательски-ироническое описаніе сталинских выборов, корреспондент «Дейли Телеграф» думает, что эта слишком цинично поставленная комедія может обмануть «только темных русских мужиков». Англійскій журналист, видимо, не знает, что русскіе крестьяне исполон вѣку привыкли выбирать у себя на мірских сходах, участвовали нѣсколько десятилѣтій в земских выборах, выбирали с великим прилежаніем своих, дѣйствительно излюбленных, людей в первую и вторую Государственныя Думы; пытались проводить, а иногда и проводили, своих людей в послѣдующія «стольщинскія» Думы; в 1917 году, много раз совѣсь свободно выбирали себѣ и земских гласных и депутатов в крестьянскіе Совѣты и в Учредительное Собраніе.

Я думаю, никто так больно не пережил новый, жесточайшій сталинскій обман и никто так не озлобился на него за это, как «русскій темный мужик».

Но сейчас я пишу не о настроеніях населенія, а о конституціонных намѣреніях власти. Конечно, от большевиков всего можно ждать, но трудно, все-таки, предположить, что Сталин сознательно сам себѣ вредитель (безсознательно он, несомнѣнно, является таковым).

Трудно, почти невозможно нормальному человѣку допустить мысль, что многотысячная пропаганда «новых политических прав» населенія и избирательных возможностей велась с нарочитой цѣлью впоследствии доказать, что никаких таких прав и возможностей не имѣется, что при диктатурѣ всякая конституція есть только грубый обман и сплошное надувательство. Очевидно, сводни агентурных наблюденій за избирателями убѣдили Кремль, что в порядкѣ дѣйствительно свободных выборов (даже в строгих рамках новой конституціи, т. е. с избирательной борьбой только вокруг однопартийных и выставленных находящимися под правительственным контролем организаціями кандидатов) не только невозможна никакая демонстрація едине-

нія власти с народом и партіи с безпартійными, но и немислимо провести в Верховный Совѣтъ достаточное количество своих вѣрных людей.

Разрѣшить, как то категорически обѣщал Сталин, «оживленную избирательную борьбу», допустить даже вычеркиваніе казенных кандидатов — значило для диктатуры, как призналъ это и корреспондент «Temps» — «пуститься в опасный путь», в обстановкѣ надѣшняго «внутренняго и вѣшняго кризиса».

Так «конституціонная» карта Сталина была бита жизнью. Он хотѣлъ дать населенію «хлыст» выборов, чтобы очистить свою администрацію от совершенно разложившихся и слишком ненавистных населенію чиновников, но сам, со всеѣм своим кремлевским аппаратом, оказался **под хлыстом** народной ненависти.

Иного выхода не было. В началѣ Октября, на секретном засѣданіи Пленума Ц.К. Большевицкой Партіи, было рѣшено устроить комедію выборов, т. е. провести на мѣста депутатов в Верховный Совѣтъ особо отобранных и без лести преданных Сталину высших бюрократов, администраторов, чекистов и т. д.

Сдѣлано все это было в порядкѣ секретных циркуляров, — легко и просто. Тут централизованная машина террора и всѣческаго принужденія еще раз оказалась на высотѣ. Сначала, вопреки конституціи, запретили партійным комитетам выставлять на мѣстах своих партійных кандидатов. Партія должна, мол, идти в ногу с безпартійным населеніем и отнюдь на выборах от него не отрываться. Безпартійным организаціям (кооперативам, профсоюзам и т. д.) тоже воспретили выставлять своих кандидатов.

Выдвигать излюбленных людей стали безпартійныя собранія в колхозах, на фабриках и т. д. Тут мимоходом отмѣнили и тайну выборов.

Окончательные кандидаты в члены Верховнаго Совѣта от окружных безпартійных собраній всюду утверждались по старому совѣтскому классическому способу: **открытым поднятіем рук** и в присутствіи всего мѣстнаго чекистскаго начальства. На классическій вопрос, кто против — ни одна рука не подымалась. Единодушіе было удивительное.

Всю избирательную кампанію в округах проводили «особо довѣренныя» от избирательных окружных собраній, в дѣйствительности это были особо довѣренныя сталинскіе чиновники,

все время находившіеся еще кромѣ того под строжайшим надзором мѣстных комитетчиков и ежовцев.

Послѣ того, какъ въ каждомъ избирательномъ округѣ былъ назначенъ одинъ кандидатъ, осталось додѣлать сущіе пустяки: заранѣе обезвредить вычеркивателей и обезпечить массовое участіе въ выборахъ совѣтскихъ обывателей, у которыхъ къ выборамъ, естественно, изсякъ всякій интересъ.

Избирательныя записки съ вычеркнутымъ именемъ единственнаго кандидата заранѣе были объявлены дѣйствительными, ибо всякія чернильныя или карандашныя помарки на печатномъ бюллетенѣ были признаны случайными погрѣшностями «неграмотныхъ избирателей». Массовое же участіе въ выборахъ обезпечивалось объявленіемъ всѣхъ уклонившихся «завѣдомыми врагами народа», и просмотромъ паспортовъ всѣхъ явившихся.

Внѣшне, официально, **Сталинъ побѣдилъ**, сокрушительно побѣдилъ. Онъ полный хозяинъ въ своемъ собственномъ парламентѣ, въ своей собственной личной партіи, въ своемъ собственномъ полицейскомъ и военномъ аппаратѣ.

Но что стоитъ такая всесокрушающая побѣда, купленная цѣной издѣвательства надъ своей собственной, только что объявленной конституціей, и новаго, слишкомъ откровеннаго обмана населенія?

Она ничего не стоитъ, ибо эта внѣшняя побѣда является по существу пораженіемъ диктатуры и пораженіемъ на самомъ опасномъ для нея сейчасъ участкѣ. Махнувъ рукой на примиреніе съ народомъ и на либеральный курсъ, Кремль хотѣлъ воспользоваться игрой въ выборы и въ «демократическій парламентъ» для укрѣпленія своего авторитета въ средѣ западной демократіи и для устрашенія заграничныхъ «фашистскихъ имперіалистовъ», подготавливающихъ совмѣстными силами нападеніе на С.С.С.Р.

Достигъ Кремль какъ разъ **противоположнаго**. Несомнѣнно, никакіе «вредители» и «агенты Гестапо» не могли бы нанести положенію Сталина на Западѣ болѣе жестокаго удара, чѣмъ онъ самъ нанесъ себѣ.

До декабрскихъ выборовъ расположенные къ сталинской диктатурѣ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ западные круги старались объяснить и оправдать садическія казни и расправы Сталина жестокой государственной необходимостью. Сталинъ же, поддерживаемый огромнымъ большинствомъ совѣтскаго населенія, реформируетъ государство, понемногу освобождая его изъ плѣна

ленино-троцких изувѣрскихъ формул, возвращается на пути демократіи. Защитники же старыхъ большевистскихъ порядковъ стараются сорвать сталинскія реформы, не останавливаясь в этомъ зломъ дѣлѣ ни передъ какими кознями и преступленіями. Суровыя расправы неизбежны, ибо на карту поставлено и внутреннее благополучіе и внѣшняя безопасность, боеспособность С.С.С.Р.

Послѣ декабрьскихъ выборовъ всемъ стало слишкомъ ясно, что никакого огромнаго большинства, никакого вообще большинства населенія за Сталинымъ не стоит. Всемъ стало ясно, что настроеніе Власти и интересы населенія С.С.С.Р. совершенно несомѣстимы и что именно уничтоженіе свободныхъ выборовъ есть **главнѣйшее** доказательство остраго и все нарастающаго внутренняго кризиса.

Особо рьяные, уже немногіе защитники на Западѣ сталинской диктатуры, хватаются, какъ за соломинку, за внѣшнюю опасность, которая грозитъ Россіи. Нельзя сейчасъ заниматься никакими внутренними реформами, ибо всякое ослабленіе власти сейчасъ в С.С.С.Р., всякая внутренняя заминка, всегда возможная при коренной реформѣ системы управленія, можетъ **приблизить сроки войны**, толкнуть враговъ Россіи, — а они же враги и западныхъ демократій, — на какую нибудь опасную для всей Европы авантюру.

Собственно говоря, послѣ отказа отъ плана реформ, на которомъ настаивали именно во имя обороны Россіи уничтоженные генералы и многочисленные в арміи ихъ единомышленники, вся игра в выборы и вся послѣдующая политика Сталина стремятся доказать внѣшнему міру, что «за силой красной арміи стоитъ несокрушимая сила сплоченной вокругъ государства страны».

Когда-то китайцы, дабы утратить враговъ, несли впередъ войскъ дѣлѣй лѣсъ страшныхъ, но бумажныхъ чудовищ. Вѣроятно, и в тѣ блаженные времена такихъ чудовищъ никто не пугался. И теперь запугивать кого бы то ни было призраками несущаго единенія просто нельзя. Шапками, да еще подбрасываемыми вверхъ по приказу Т.П.У. в честь «собожаемаго» Сталина, **никого не запугаешь**.

По существу, задача, которую ставитъ себѣ Кремль во имя собственнаго самосохраненія, совершенно правильная и неотложная: техническую силу російской арміи нужно опереть на несокрушимую мощь внутренняго патріотическаго единства. Однако, какъ еще разъ и в послѣдній разъ доказалъ трагическій фарсъ с «самой демократической конституціей изъ существующихъ в мірѣ», такое единство в условіяхъ террористической диктатуры недостижимо.